

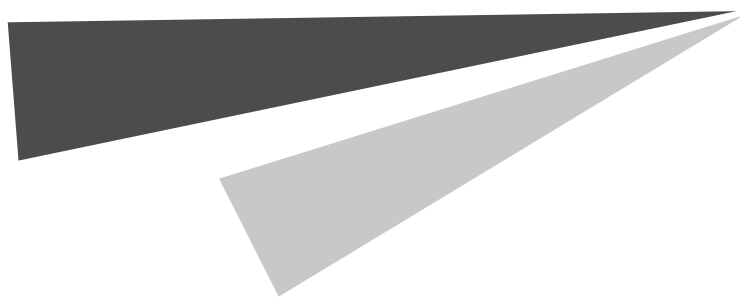
СОВЕТСКИЙ ВЕК

**Владлен
Логинов**

**ЛЕНИН
В 1917 ГОДУ
НА ГРАНИ ВОЗМОЖНОГО**

Москва

издательство
РОДИНА

2022

УДК 82-94
ББК 85.374
Л 69

Логинов В.Т.

Л 69 Ленин в 1917 году. На грани возможного / В.Т. Логинов. – М.: Родина, 2022. – 576 с. – (Советский век).

ISBN 978-5-00180-254-9

Автор книги В.Т. Логинов, лучший биограф В.И. Ленина на сегодняшний день. В своей книге он приводит разнообразный фактический материал, касающийся личности и деятельности большевистского вождя. Здесь переписка Ленина, партийные документы, свидетельства его соратников и врагов, секретные архивы Охранного отделения, статьи в русских и зарубежных изданиях.

Все это нужно автору для того чтобы ответить на вопрос, кто был этот человек? Какие цели он ставил перед собой? Как он их достигал? Портрет В.И. Ленина, который рисует Логинов, это портрет жесткого прагматика и волевого руководителя. Его сила заключалась в том, что он чутко реагировал на любое изменение ситуации в России и блестяще использовал возникающие обстоятельства для достижения своих задач. Автор книги показывает это на примерах бурного 1917 года, ставшего триумфом Ленина как политика.

**УДК 82-94
ББК 85.374**

© Логинов В.Т., 2022
ISBN 978-5-00180-254-9 © ООО «Издательство Родина»,
2022

Глава 1

ВОЗВРАЩЕНИЕ

«Я ЛЮБЛЮ СВОЮ ПРОФЕССИЮ...»

В 1902 году, когда Ленин и Крупская жили в Лондоне, они нередко заходили в тамошний зоопарк и, как рассказывала Надежда Константиновна, подолгу простаивали перед клеткой белого волка. Все звери с течением времени привыкают к клетке: медведи, тигры, львы, объяснил нам сторож. Только белый волк с русского севера никогда не привыкает к клетке — и день и ночь бьется о железные прутья решетки. Этого русского волка Крупская и вспомнила спустя 15 лет, зимой 1916/17 года, в Цюрихе...¹

«В половине февраля [1916 года], — пишет Крупская, — Ильичу понадобилось поработать в цюрихских библиотеках, и мы поехали туда на пару недель, а потом все откладывали да откладывали свое возвращение в Берн да так и остались жить в Цюрихе...

Пошли нанимать комнату. Зашли к некоей фрау Прелог, скорее напоминавшей жительницу Вены, чем швейцарку. Объяснялось это тем, что она долго служила поварихой в какой-то венской гостинице. Устроились было мы у ней, но на другой день выяснилось, что возвращается прежний жилец. Ему кто-то пробил голову, и он лежал в больнице, а теперь выздоровел»².

Жилье сняли у семьи социал-демократа сапожника Каммерера в старом — чуть ли не XVI века — мрачном доме. Комната была длинной, неудобной, с окном, выходившим во двор. А так как в подвале работала еще и колбасная фабричка, то со двора воняло тухлятиной и форточку открывали только ночью. «Можно было, — пишет Надежда Константиновна, — за те же деньги получить лучшую комнату, но мы дорожили хозяевами...

Квартира была поистине интернациональная: в двух комнатах жили хозяева, в одной — жена немецкого солдата-булочника с детьми, в другой — какой-то итальянец, в третьей — австрийские

---

¹ См.: Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. М., 1990. С. 118.

² Воспоминания о В.И. Ленине. В пяти томах. Изд. 3-е. М., 1984. Т. 1. С. 420.

актеры с изумительной рыжей кошкой, в четвертой — мы, россияне. Никаким шовинизмом не пахло...»¹

Первые пару месяцев продолжали ходить к фрау Прелог обедать. После смерти в марте 1915 года Елизаветы Васильевны — матери Надежды Константиновны, они питались в Берне в дешевой (65 сантимов за обед) студенческой столовой. И после такой кухни еда венской поварахи очень нравилась. Публика, столовавшаяся у нее, была довольно пестрой. Тут была и больничная сиделка, и проститутка, и какие-то явно уголовные типы. «Очень скоро мы почувствовали, — пишет Крупская, — что попали... в самое что ни на есть цюрихское “дно”... Нас никто не стеснялся и, надо сказать, в разговорах этой публики было гораздо более человеческого, живого, чем в чинных столовых какого-нибудь приличного отеля». Но было очевидно, что тут «легко можно влипнуть в какую-нибудь дикую историю»², а для эмигрантов это было вдвойне небезопасно.

Поэтому от услуг фрау Прелог пришлось отказаться. Тем более что новая хозяйка, фрау Каммерер, умудрилась научить Надежду Константиновну тому, чему за все годы эмиграции не смогла обучить ее мать: как быстро, дешево и сытно приготовить обед и ужин. «Однажды, — рассказывает Крупская, — во время того, как мы с хозяйкой поджаривали в кухне на газовой плите каждая свой кусок мяса, хозяйка возмущенно воскликнула: “Солдатам надо обратить оружие против своих правительств!” После этого Ильич и слышать не хотел о том, чтобы менять комнату»³.

Иногда ходили в гости. В Берне, где рядом жили Зиновьевы, Арманд, Шкловские, это случалось чаще. Особенно привязался Владимир Ильич к Стёпке — сыну Зиновьевых. И в июне 1916 года, уже из Цюриха, Ленин писал: «...привет Стёпке, который, должно быть, так уже вырос, что к потолку подбросить я его не смогу!»⁴. Ну, а в Цюрихе заходили к Харитоновым, дочке которых в феврале 1917 года исполнилось лишь два годика.

В этот день — воскресенье 11 февраля (29 января) — Владимир Ильич и Надежда Константиновна заходя пошли покупать подарок. «В магазине игрушек, — рассказывал потом сам Ленин, — у нас глаза разбежались. Смотрим: на полках и стойках кругом множество всяких игрушек; мы растерялись, не знали, что и выбрать. “Купим вон ту красивую куклу”, — говорит Надя. “Нет, не пой-

---

¹ Воспоминания о В.И.Ленине. В пяти томах. Изд. 3-е. М., 1984. Т. 1. С. 421.

² Там же. С. 420, 421.

³ Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 117.

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 256.

дет, — отвечаю я, — не станем мы покупать куклу, поищем что-нибудь поинтереснее”. Продавец все подавал нам игрушки: тут были и зайцы, и кролики, и котята, и мячи и т. д. “Нет, — говорю, — все не то”. Осматриваю полку за полкой и вдруг на самой верхней полке вижу вот эту самую собачонку. Одно ушко у нее торчит кверху, на шее красная ленточка с бубенцом, острая мордочка, и такой у нее шельмоватый р-р-революционный вид. “Вот, — говорю я Наде, — эту собачку мы и возьмем!”

— Ну, какова? Нравится? — Владимир Ильич, вспоминает уже сама Харитоновна, при этом так заразительно смеялся, показывая нам игрушку со всех сторон и любуясь ею сам, что мы все пришли в восторг¹.

В обычные дни распорядок дня был достаточно однообразным. С 9 часов — библиотека. С 12 до 1 часа, когда ее закрывали на обед, шли домой. К 1 часу вновь возвращались в читальный зал и сидели там до шести, до закрытия. По четвергам, когда библиотека после обеда не работала, уходили на гору — Цюрихберг. «Ильич обычно покупал две голубые плитки шоколада с калеными орехами по 15 сантимов... и мы шли на гору. Было у нас там излюбленное место в самой чаще, где не бывало публики, и там, лежа на траве, Ильич усердно читал».

В общем, работал Владимир Ильич много. Здесь, в Цюрихе, он написал для очередных номеров «Социал-Демократа» и «Сборника “Социал-Демократа”» множество статей. Среди них — «О брошюре Юниуса», «Итоги дискуссии о самоопределении», «Империализм и раскол социал-демократии», «О “программе мира”», «О сепаратном мире» и др.

Огромное внимание уделял он регулярной переписке с Русским бюро ЦК РСДРП, Петербургским и Московским комитетами, ссылными большевиками в Сибири. Организовывал транспорт нелегальной литературы из-за границы в Россию. Поддерживал связь с лидерами интернационалистов европейских стран. Руководил деятельностью Бюро «циммервальдской левой». В апреле 1916 года участвовал в работе международной социалистической конференции в горной деревушке Кинталь. Выступал на интернациональных митингах и собраниях. Ездил с рефератами...

Список можно было бы многократно продолжить. Но это лишь перечень основных направлений его деятельности. А каждое из них слагалось из десятков больших и малых конкретных дел — важных и менее важных, интересных и скучных. От этих каждодневных дел, бесчисленных писем, встреч, разговоров и высту-

---

¹ См.: Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 2. С. 361, 362.

плений можно было заработать, по меньшей мере, головную боль. В 1914 году, в письме к Инессе Арманд, у Ленина как-то вырвалось: «Ох, эти “делишки” подобия дел, суррогаты дел, помеха делу, как я ненавижу суетню, хлопотно, делишки и как я с ними неразрывно и навсегда связан!!» И далее, по-французски, добавил: «Вообще я люблю свою профессию, а теперь я часто ее почти ненавижу»¹.

Конечно, писалось это, как он сам выразился — в состоянии крайней усталости «и в дурном расположении духа». Такое состояние, как, например, у Зиновьева, могло бы принять хронический характер, если бы... Если бы не было у Владимира Ильича своеобразной «отдушины». Если бы его рабочий день в библиотеке зачастую не заканчивался «философскими чтениями»...

Впервые он увлекся такого рода литературой еще в ссылке. Многие труды Гегеля, Фейербаха, Канта и «неокантианцев» были проштудированы им еще тогда. Работа над «Материализмом и эмпириокритицизмом» в 1909 году стала как бы «вторым прочтением» философской классики. Теперь он шел по «третьему кругу». Причем, как и прежде, диапазон был достаточно велик: от Гераклита, Сократа, Платона, Аристотеля до Гегеля, Канта, Фейербаха, Маркса, Энгельса и современных европейских философов.

Ленин переводит на русский язык и конспектирует их труды, выписывая иногда целиком многие страницы текста. Но менее всего он походил на ортодоксального адепта, восторженно внимающего великим учителям. «Великие кажутся нам великими, — записывает он девиз газеты «Парижские Революции» (1789—1794), — лишь потому, что мы сами стоим на коленях»².

Странички его записей часто разделены по вертикали пополам. Слева — конспект, справа — не только реплики, но и размышления, спор с только что прочитанным. Тут и критические заметки в адрес Маркса и Энгельса³. И несогласие с теми или иными идеями Гегеля, Канта. Иными словами, это своеобразные диалоги с величайшими мыслителями.

К классикам он относился с глубочайшим уважением, старался понять не только суть идей, но и логику их размышлений. «Метко!», «Очень хорошо», «Замечательно!», «Глубоко верно!», «Прелестно сказано!» — это реплики на полях в адрес *материалиста* Фейербаха. «Гениальна основная идея», «Очень глубокая и верная мысль», «Остроумно и умно!», «Замечательно!» — а это об *идеалисте* Гегеле⁴.

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 48. С. 285.

² Там же. Т. 29. С. 18.

³ Там же. С. 23, 33.

⁴ Там же. С. 59, 60, 63; 81, 98, 131, 237.

Центральное место в «философских тетрадах» занимает главное сочинение Гегеля «Наука логики». Ленин штудировал все три ее составные части — «Учение о бытии», «Учение о сущности» и «Учение о понятии», в которых анализируются законы, категории, элементы диалектики. И тут пометки его не всегда комплиментарны. Есть, в частности, среди них фраза, мимо которой не проходит ни один околофилософский «лениноед». В «Лекциях по истории философии» Гегель подвергает разностной критике древнегреческого материалиста и атеиста Эпикура. Выхватив у него фразу о том, что душа есть лишь «известное собрание атомов», Гегель, походя, ядовито замечает, что вся теория познания Эпикура — «скудна», а то, что он пишет об этом — «пустые слова».

В ответ на это Ленин пишет: Эпикур размышлял о тайнах мироздания за 2 тысячи лет до Гегеля. И многие его мысли «это гениальные догадки», определившие позднее «пути науки». По существу «Гегель обошел теорию познания Эпикура и заговорил о другом, чего Эпикур здесь не касается... Все будет [скудно], если исказить и обокрасть... Гегель просто *ругает* Эпикура». Это не что иное, как «клеветы на материализм».

И когда Гегель еще и еще раз в этой опубликованной работе пишет, что размышления Эпикура — «жалкие мысли», ибо нет в его картине мира места для бога, для «мудрости творца», Ленин срывается, как срывается болельщик, когда его любимый нападающий с десяти шагов бьет мимо ворот. И на полях конспекта, после нескольких десятков реплик — «Замечательно верно и глубоко», «Очень верно и важно», «Очень хорошо и образно», «Умно и остроумно» появляется запись: «Бога жалко!! Сволочь идеалистическая!!»¹. Это никогда не предназначалось для печати и было лишь сугубо личным эмоциональным выражением досады на великого и почитаемого философа, позволившего себе столь мелкое высокомерие.

Что же касается отношения к Гегелю, то в этих же пометках Владимир Ильич пишет: «Умный идеализм ближе к умному материализму, чем глупый материализм». Гегелевский идеализм «подошел вплотную к материализму, частью даже *превратился в него*»².

Читая записи Владимира Ильича, лишний раз убеждаешься, что философия — это культура сомнения и созидания. Но и в том и в другом случае она антидогматична. Поэтому вывод Владимира Ильича парадоксален: «Итог и резюме, последнее слово и суть логики Гегеля есть *диалектический метод* — это крайне замечатель-

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29 С. 263, 266, 267.

² Там же. С. 248, 250.

но. И еще одно: в этом *самом идеалистическом* произведении Гегеля *всего меньше* идеализма, *всего больше* материализма. “Противоречиво”, но факт!»

И совсем, казалось бы, крамольное для ортодоксального уха: «Мысль о превращении идеального в реальное *глубока*: очень важна для истории. Но и в личной жизни человека видно, что тут много правды... Различие идеального от реального тоже не безусловно»; «...мир не удовлетворяет человека и человек своим действием решает изменить его». Иными словами, «сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его». А посему, пишет Ленин в другом месте, «продолжение дела Гегеля и Маркса должно состоять в *диалектической* обработке истории человеческой мысли, науки и техники»¹.

Знал бы он, что пройдет два десятка лет и все эти «гегелевские штучки» будут выведены официальными «теоретиками» за рамки — упрощенной для всеобщего понимания — марксистской философии в силу их «непонятности», а диалектика — важнейший инструмент познания действительности — частенько превратится в схоластику, в умение уйти от ответа и запутать самый простой вопрос.

Так что Владимир Ильич в свое время справедливо заметил: «Прав был философ Гегель, ей-богу: жизнь идет вперед противоречиями и живые противоречия во много раз богаче, разностороннее, содержательнее, чем уму человека первоначально кажется»². Тогда, в 1916 году, Ленин записал: «Нельзя вполне понять “Капитала” Маркса и особенно его 1 главы, не проштудировав и не поняв *всей* Логики Гегеля. Следовательно, никто из марксистов не понял Маркса ½ века спустя!!»³

Гегель действительно сложен, и сам Владимир Ильич иногда помечает: «Темна вода!», «Эти части работы следовало бы назвать: лучшее средство для получения головной боли!»⁴ Но, как говорится, «лучше с умным потерять, чем с дураком найти». Только глупый человек может испытывать дискомфорт от общения с интеллектуально превосходящим собеседником. Наоборот, для человека умного такой разговор — и школа ума, и удовольствие. Такой диалог устанавливает, как выражался Достоевский, столь «высокий градус» мысли, столь высокую интеллектуальную планку, что этот уровень мышления неизбежно проявляется и при переходе

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29 С. 104, 131, 194, 195, 215.

² Там же. Т. 47. С. 219.

³ Там же. Т. 29. С. 162.

⁴ Там же. С. 104, 158.